

Научная статья
УДК 94(470)+930.2
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-326-338
EDN: LAMWLE

**ДОВОЕННЫЙ СССР И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС:
АДЫГЕЯ В ОЧЕРКЕ АМЕРИКАНСКОГО ЖУРНАЛИСТА
ДЖ. КЬЮНИТЦА (1931)**

Дмитрий Николаевич Христенко

Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева, Москва, Россия, khristenko1983@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6221-8991

Аннотация. Данная статья посвящена анализу очерка американского литератора Дж. Кьюнитца, который в начале 1930-х годов совершил путешествие по автономной области Адыгея в рамках поездки группы зарубежных писателей по южным областям СССР. Основной темой очерка иностранного журналиста стало рассмотрение на примере адыгейского населения методов и путей решения национального вопроса в Советском Союзе. Одновременно в очерке рассматривается процесс кардинальной перестройки национальной автономной области как в производственно-экономическом отношении, так и в рамках изменения самой социальной структуры традиционного кавказского общества. Кьюнитц фиксирует трансформацию таких важнейших социальных институтов, как роль семьи и женщины, религии, образования в Адыгее по сравнению с дореволюционным временем. Американский писатель не скрывает своих симпатий, восторженно описывая происходившие на его глазах изменения, которые он рассматривает как модернизацию и настоящую «культурную революцию» в жизни адыгейского народа.

Ключевые слова: Адыгея, США, американская литература, Керашев, Кьюнитц, СССР, социализм, коллективизация, модернизация

Для цитирования: Христенко Д.Н. Довоенный СССР и национальный вопрос: Адыгея в очерке американского журналиста Дж. Кьюнитца (1931) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 326-338. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-326-338. EDN: LAMWLE.

© Христенко Д.Н., 2023

Original article

**THE PRE-WAR USSR AND THE NATIONAL QUESTION:
ADYGEA IN AN ESSAY BY THE AMERICAN JOURNALIST
J. KUNITZ (1931)**

Dmitry N. Khristenko

Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy, Moscow, Russia, khristenko1983@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6221-8991

Abstract. This article analyzes an essay by the American writer J. Kunitz, who traveled across the Republic of Adygea in the early 1930s as part of a group of foreign writers to the southern parts of the USSR. The main theme of the essay of the foreign journalist was the consideration of the methods and ways of solving the national question in the Soviet Union using the example of the Adyghe population. At the same time, the essay examines the process of a radical restructuring of the national republic, both in terms of production and economics, and as part of a change in the very social structure of traditional Caucasian society. Kunitz documents the transformation of fundamental social institutions in Adygea, such as the role of the family and women, religion, and education, in comparison to pre-revolutionary eras. The American author expresses his feelings openly, passionately praising the changes he sees before his eyes as modernization and a true “cultural revolution” in the life of the Adyghe people.

Keywords: Adygea, USA, American literature, Kerashev, Kunitz, USSR, socialism, collectivization, modernization

For citation: Khristenko D.N. The Pre-War USSR and the National Question: Adygea in an Essay by the American Journalist J. Kunitz (1931). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 326-338. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-326-338. EDN: LAMWLE.

© Khristenko D.N., 2023

Хорошо известно, что СССР в 1920-1930-е гг. вызывал пристальный интерес на Западе, прежде всего в интеллектуальных кругах, где курс на строительство социализма рассматривали как новый этап развития человеческой цивилизации. Именно так называется книга английских социологов Сиднея и Беатрисы Вебб, одних из основателей Лондонской школы экономики, выпущенной после их поездки в Советский Союз [Webb S., Webb B. 1935]. Впечатления и оценки, которые выносили иностранцы о своем пребывании в нашей стране, могли серьезно отличаться. Так, лауреат Нобелевской премии по литературе французский писатель Андре Жид в своей работе «Возвращение из СССР» подверг социалистический строй резкой критике [Gide 1936], а известный немецкий романист Лион Фейхтвангер, наоборот, был серьезно впечатлен успехами Советского Союза во всех областях жизни [Feuchtwanger 1937]. Но неизменным оставался факт пристального внимания к происходившему в нашей стране, новой модели общественных отношений, которая резко отличалась от привычных, для западных государств того времени, подходов.

Особый интерес в этом отношении представляет взгляд иностранных наблюдателей на национальный вопрос и методы его решения в Советском Союзе. Наглядным примером может служить очерк американского журналиста Дж. Кьюнитца, написанный им после поездки в СССР в 1931 г. и посвященный автономной области Адыгея. Фрагмент из этого очерка был издан в сборнике «Глазами иностранцев. 1917-1932», вышедшем в год пятнадцатилетнего юбилея советской власти [Глазами иностранцев. 1917-1932]. Однако, как это часто бывало в отечественных изданиях того времени, был переведен только небольшой отрывок, примерно 1/3 всего текста, при этом наиболее острые моменты были сознательно выпущены. Именно поэтому в данной статье автор обращается к оригинальному очерку американского журналиста Дж. Кьюнитца, опубликованной в левом американском журнале «Новые массы» в октябре 1931 г.

[Kunitz 1931] и руководствуется при анализе наблюдений иностранного очевидца именно аутентичным англоязычным текстом.

Дж. Кьюнитц прибыл в СССР в 1931 г. и в составе группы иностранных писателей совершил поездку по ряду областей Советского Союза. Примечательно, что его сопровождал гораздо более знаменитый в то время немецкий писатель Карл Грюнберг, автор популярного романа «Пылающий Рур», переведенного на русский язык практически сразу же после выхода его в свет [Грюнберг 1929]. Однако, в силу усиления фашизма в Германии он не смог в то время издать свои наблюдения об СССР. Воспоминания К. Грюнберга о поездке в нашу страну вышли только 40 лет спустя в ГДР, утратив в силу этого свежесть впечатлений, и носят общий характер, не концентрируясь на каком-то отдельном регионе [Grünberg 1970].

Дж. Кьюнитц, наоборот, опубликовал свои наблюдения сразу же после возвращения в США, и они полностью посвящены Адыгее, на примере которой он рассматривает не только неоднозначность и сложность взаимоотношений адыгейского и русского населения, но и в целом национальный вопрос в СССР применительно к кавказскому региону. Интерес к этой проблематике у американского автора был, по-видимому, во многом связан с тем, что журнал «Новые массы», где была опубликована его статья, значительное внимание уделял этнической ситуации в США, которая в то время находилась в глубоком кризисе. Достаточно отметить, что главный редактор журнала Майкл Голдман за год до этого выпустил ставший бестселлером роман «Евреи без денег», посвященный незавидному положению еврейской бедноты в гетто Нью-Йорка, влачащих безнадёжное состояние и не имеющих, по его мнению, никаких перспектив улучшить свою жизнь при сохранении господствующего порядка вещей [Gold 1930].

В этом смысле наблюдения Дж. Кьюнитца о решении национального вопроса в Советском Союзе представляли значительный интерес как для американских интеллектуалов, пытавшихся найти новые пути преодоления этнополитического кризиса у себя в стране, так и для рядовых читателей.

Очерк Дж. Кьюнитца начинается с описания его беседы с легендарным адыгским писателем Темботом Керашевым, тогда молодым журналистом, с которым он встретился в селении Сарый Бегахай. На заданный ему вопрос – что в Америке думают об развитии Адыгеи и ее достижениях – ведь это первая национальная область СССР, которая провела сплошную коллективизацию, ликвидировала кулачество как класс и добилась стопроцентной грамотности, Кьюнитц отвечает, что, к сожалению, ничего раньше об этом не слышал. Интересно, что уже в этом месте начинается различие двух текстов: переводного русского и оригинального в американском издании. В советском сборнике 1932 г. сразу после этого идет фраза, приписываемая американскому писателю:

«мне не хочется обидеть этого парня, – видимо, он уверен, что взоры всего мира обращены на мужественный маленький народ, творящий чудеса на пути строительства социализма в долинах Северного Кавказа» [Глазами иностранцев. 1917-1932: 440].

В результате создается впечатление, что Дж. Кьунитц остро подтрунивает, иронизирует, если не сказать, что подсмеивается над ограниченным Т. Керашевым, полагающим, что Адыгея – центр мира. Но в действительности это совершенно не так. В оригинале этой фразы просто нет. Зачем и с какой целью советский переводчик поставил ее в издание 1932 г. остается только догадываться. Возможно, разгадка кроется в ответе Керашева.

«Ничего страшного, – отвечает черкесский журналист, – до недавнего времени очень мало русских имело какое-либо представление об Адыгее. Все, что они знали, сводилось к красивым, храбрым, хищным черкесам как они изображены в поэмах Пушкина и Лермонтова» [Kunitz 1931: 20].

После этого ситуация в двух сравниваемых текстах снова меняется – в советском сборнике дальнейшие фразы выпущены, тогда как в оригинале они есть.

«“Но в этом должно быть какая-то правда”, – замечает американский писатель. – “Немного, я думаю, ведь они писали подобные вещи и о цыганах, и о евреях, и о чеченцах”», – отвечает Керашев [Kunitz 1931: 20].

Вероятнее всего, подобный ответ адыгского писателя задел чувства советского цензора, чем и объясняется предыдущая вставка текста, которого нет в оригинале, и выпуск кусков текста, которые, наоборот, в оригинале присутствуют. Возникает ситуация, когда, формально не меняя общий смысл, советский переводчик/цензор значительно меняет коннотацию и восприятие беседы американского и адыгского литераторов.

«Десятилетия непрерывной войны против русской имперской агрессии, за которыми последовало восемьдесят лет настоящего рабства, нанесли огромный ущерб нашему народу. Наши стада были разорены, наши поля опустошены, наш народ почти что уничтожен. После завоевания, большинству пришлось мигрировать в Турцию. Тысячи из них погибли по дороге. Перед Октябрьской революцией наш народ был определенно на пути вырождения и упадка. Детская смертность была ужасающая. Посмотрите на женщин, даже девушек, которых вы можете встретить в местных аулах – им далеко до тех гордых красавиц, которые превозносились в поэмах Пушкина и Лермонтова. Большинство из них – больны, у многих лица покрыты следами оспы. И мужчины, за редким исключением, выглядят не лучше.

Голод, унижение, невежество были нашей судьбой на протяжении восьмидесяти лет. Эксплуатируемые и подавляемые, насильно лишенные любой надежды, мы развили отвращение к труду. А после этого нас стали называть лентяями, бездельниками, конокрадами, и так продолжалось еще даже четыре – пять лет тому назад. К началу реконструктивного периода [первой пятилетки] у 80 % нашего рабочего населения не было ни лошадей, ни орудия для обработки полей», – с горечью признавался Дж. Кьунитцу адыгский писатель [Kunitz 1931: 20].

Приведенные слова Керашева отчетливо показывают, в какой ужасающей ситуации находилось население Адыгеи перед началом коллективизации и индустриализации. К слову, если сделать поправку на национальный вопрос, положение русского крестьянства в это время было немногим лучше. Оно так-

же страдало от болезней, отсутствия медицины и врачей, как и жители Северного Кавказа [Христенко, Красовская 2019].

В то же время с точки зрения сравнительного анализа вновь приходится констатировать искажения в советском переводе слов адыгского писателя, как они приведены у Дж. Кьюнитца. Сохраняя общую направленность текста, переводчик/цензор вновь произвольно добавляет или убирает целые фразы. Так, вместо слов Керашева в том, что почти весь народ был уничтожен, в сборнике «Глазами иностранцев» говорится: «наш народ потерял десятую часть убитыми». В оригинале этих слов нет, очевидно, имеет место попытка смягчения ситуации. Вместо слов: «после завоевания» [адыгов], пишется «после победы русских», убрано указание, что четыре-пять лет назад бытовало презрительное отношение к адыгам (лентяи, бездельники, конокрады). И это при том, что в советском сборнике приведена только треть оригинального текста!

Показательно, замечает Кьюнитц, что, когда Керашев говорит о страданиях своего народа, он пытается сохранять сдержанность и самообладание, но в нем чувствуется тлеющий огонь. Но, как замечает американский писатель, помимо того, что Керашев – черкес, он, что гораздо важнее, коммунист. И в силу этого он трактует ситуацию через призму классовой борьбы. Он с горечью говорит о «муллах», «эффенди», кулаках, бывших князьях, аристократах и хищных, коррумпированных царских чиновниках. Все они вместе с белыми генералами бросили неграмотное, запутавшееся черкесское население в объятия контрреволюции [Kunitz 1931: 20].

Анализируя трактовку адыгского писателя, нужно отметить, что коммунистическая идеология и желание исцелить раны прошлого, характерные для раннего СССР, действительно давали путь к исправлению межнациональной ситуации. Показательно, что для образованного, интеллигентного адыга политико-идеологическая идентичность становится выше национальной, и в бедах своего народа он винит не русских, что привело бы только к межнациональной ненависти и конфликтам, а правившие в Российской империи господствующие классы. Таким образом вина за прошлое с народа, в данном случае русского, переносится на царское правительство, а учитывая, что русские сами же свергли династию Романовых, позволяет снять и эту преграду на пути к обоюдному примирению и началу новой жизни в обновленном социалистическом государстве.

Вопрос о межнациональных противоречиях появляется в очерке Кьюнитца и дальше, когда он рассказывает о разговоре с еще одним великим адыгским писателем и публицистом, Ибрагимом Цеем. Встретившись с ним на торжественной церемонии обеда, посвященного приезду иностранной делегации, американский журналист слушает, как черкесы исполняют традиционную песню.

«Эти надтреснутые голоса черкесских крестьян – они поют или плачут? Кажется, что вся печальная история этого когда-то прекрасного народа изливается в этом долгом, долгом стоне. Но иногда он прерывается вспышками триумфа и ликования. Певец Анзароков поет о великой битве между черкесами и русскими, которая состоялась более ста лет назад в том месте, где река Лаба впадает в Кубань. Множество племен черкесов приняли в ней участие, многие черкесские герои погибли, но они одержали победу. Целая дивизия донских казаков была полностью уничтожена. Песня заканчивается. “Я полагаю, что во-многих ваших народ-

ных песнях и легендах присутствует ненависть к царскому режиму”, – замечает Кьюниц. “Удивительно мало, – отвечает Ибрагим Цей. – Наши люди, кажется, никогда не осознавали, что ответственность за их страдания несли царский режим и империалистическая жадность. Мы ненавидели казаков, русских солдат – их мы видели, с ними мы сражались. Они были нашими непосредственными врагами. Реального злодея, подстрекателя, организатора мы по большей части не могли увидеть. И заметьте, – подкрепил это мнение хозяин, в кунацкой которого и происходил этот диалог – у казаков были похожие песни, которые были направлены против нас. Именно царская политика поощряла ненависть между различными народами на Кавказе и благодаря этому управляла. Вот в чем все дело» [Kunitz 1931: 23].

Дальнейшие рассуждения Кьюнитца по теме межнациональных отношений не вошли в русский текст. Приведем их полностью. Американский писатель отмечает, что, когда все разошлись, он, уставший, прилег на кровать и, решив просмотреть материалы по Северному Кавказу, достал произведение Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.». Его взгляд упал на следующий отрывок из русского классика:

«Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал... Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить... У них убийство – простое телодвижение. Что делать с таковым народом? Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедование Евангелия» [Пушкин 1829].

За этим, отмечает Кьюниц, у Пушкина идет призыв к отсутствию религиозной толерантности: «Кавказ ожидает наших христианских миссионеров».

«Пушки, самовар и Библия – вот как», – замечает американец, – «один из наиболее передовых людей своего поколения предлагал решить вопрос с национальными меньшинствами [Kunitz 1931: 23].

Впрочем, в этом месте Кьюнитц ставит сноску и пишет в примечании, что Пушкин написал эту апологию русского империализма гораздо позже, чем свои романтические поэмы. Пушкин извлек уроки из подавления декабрьского восстания 1825 г. Он стал более осмотрительным, и нередко лицемерным. Также, полагает Кьюнитц, возможно, что Пушкин, будучи аристократом, имевшим доступ к царскому двору, был действительно «сторонником самоваров и Библий» [Kunitz 1931: 23].

Размышления американского писателя показывают нам как мировоззренческий, так и поколенческий разрыв с великим русским поэтом. Для еврейского марксиста из Нью-Йорка XX в., исходящего из интернационального принципа взаимодействия разных этносов и национальностей, конечно, неприемлем, вполне естественный для XIX в. ассимиляционный подход к существованию в

рамках единой Российской империи различных племен и народностей. Но этот ассимиляционный подход, можно заметить, по крайней мере, гораздо гуманнее, практиковавшихся в том же XIX в. в США методов по полному истреблению автохтонных индейских племен и их сгону в резервации, а также вывозу из Африки в качестве рабов темнокожих жителей этого континента.

Продолжая свой очерк, Кьюнитц пишет, что его размышления о Пушкине и Кавказе были прерваны стуком в дверь, после которого в комнату ввалилась группа людей, мужчин и женщин разных национальностей. Вперед вышел армянин, который торжественно зачитал обращение к зарубежному гостю.

«От имени 26 тысяч рабочих, представляющих различные национальные меньшинства, объединенные в один центральный комитет национальных меньшинств в Краснодаре, мы приветствуем вас и просим вас передать наши теплые, братские пожелания пролетариату вашей страны.

Правильная национальная политика Коммунистической партии и Советского Союза дала нам неограниченные возможности развивать нашу собственную пролетарскую культуру на различных родных языках, чтобы на равном основании участвовать вместе с остальными рабочими СССР в делах страны, в строительстве социализма, в индустриализации страны, в создании совхозов и колхозов, воспитывая рабочий класс национальных меньшинств в духе социализма.

Сейчас у нас в Краснодаре есть три рабочих клуба и различные ученые заведения низшей и высшей ступени для различных национальностей. Кроме этого, каждый год все больше и больше наших студентов поступают в ВУЗы. У нас есть собственная литература на родных языках, а также газеты и журналы. Мы готовим собственные кадры ученых и с помощью специальных клубов и курсов новые кадры профессиональных рабочих для социалистической промышленности нашей страны» [Kunitz 1931: 24].

Дальше в речи делегата шло обличение царского режима, нэпманов, кулаков и выражалась уверенность, что в случае атаки на Советский Союз пролетариат западных стран под руководством коммунистических партий собственных государств повернет оружие против буржуазии и возьмет власть в свои руки, освободившись от буржуазного ига.

По завершении этой речи, отмечает Кьюнитц, делегат презентовал ему документ, подписанный армянами, турками, греками, немцами, калмыками, поляками, татарами, грузинами, венграми, ассирийцами, болгарами, литовцами и евреями, входящими в организацию национальных меньшинств Краснодара.

«По странному совпадению», – замечает американский писатель, – этот документ был вручен мне после того, как я закончил читать изыскания Пушкина о черкесах. Сто лет и какие значительные изменения. Цари и их лакеи пропали и забыты. На обломках разрушенной империи Романовых поднялся энергичный, мощный, молодой гигант – Союз Советских Социалистических Республик, свободный, процветающий, прогрессивный. Свободные люди Советского Союза, объединенные братскими связями, выковывают новые коллективные силы жизни, создавая свои собственные культуры – национальные по форме, пролетарские, по сути. Среди этих народов, адыги, несмотря на свое малое число, постепенно занимают одно из передовых мест.

Несколько десятилетий назад Маркс написал о черкесах: «Храбрые черкесы нанесли несколько серьезных поражений русским. Нации мира учитесь у черкесов тому, на что способны люди, обреченные быть свободными». «И сейчас, – продолжает Кьюнитц, – когда

свободные адыги достигли почти полной коллективизации, искоренили неграмотность, быстро развивают собственную индустрию, собственные школы, музеи и библиотеки, театры и национальные войска – свое собственное социалистическое общество, мы должны еще раз процитировать Маркса: «Нации мира! Учитесь у Адыгеи на что способны люди, обреченные быть свободными!» [Kunitz 1931: 24].

Американский писатель подчеркивает, что со времени революции 1917 г. социальное положение значительно изменилась. С одной стороны, сохраняются внешние традиционные черты, хорошо заметные окружающими. Так, когда в адыгейской деревне Старый Бегахай был организован торжественный обед в честь иностранной делегации, то участие в нем приняли только взрослые мужчины, в то время как молодым юношам не было позволено сесть за стол, и они занимались исключительно обслуживанием гостей. Когда же члены группы зарубежных писателей, куда входил Кьюнитц, предложили одному из них присоединиться к трапезе, тот ответил отказом. Как вспоминал американский литератор,

«чем более упорными мы были, тем тверже он отклонял наше предложение сесть за общий стол. Видите ли, – шепнул мне на ухо один из черкесов, – отец этого парня кунак Ибрагима Цей, то есть названный брат, и для молодого человека было бы совершенно неуместно сидеть за одним столом со своим дядей» [Kunitz 1931:22].

Еще один удивительный для иностранцев эпизод произошел, когда коллега Кьюнитца немецкий писатель К. Грюнберг публично восхитился красотой камышевой циновки, висевшей на стене кунацкой.

«Хозяин немедленно подошел к стене, снял циновку, скатал ее и предложил Грюнбергу. Тот, смущенный, отказывался принять подарок. Хозяин выглядел искренне раздосадованным. «Лучше возьмите ее, – посоветовал шепотом Цей. – Так будет правильно. Если гость похвалил что-либо, принадлежащее хозяину, закон черкесского гостеприимства требует, чтобы вещь была вручена гостю. Не принять подарка – значит обидеть» [Kunitz 1931: 22-23].

Все эти неловкие для зарубежных гостей случаи свидетельствовали, что традиции, по крайней мере в их внешнем проявлении, были еще сильны и распространены среди населения.

Но внутри патриархальной среды уже произошла глубинная трансформация. Ярче всего это проявилось в положении женщины в обществе, ее места в социальной структуре Адыгеи. Изменение гендерных ролей признавалось всеми сторонами. В одном из разговоров Кьюнитца с уже упоминавшимся адыгским писателем Керашевым, последний отмечал:

«Наша женщина, лишенная всяких прав в силу того, что адат (магометанский обычай) запрещал ей принимать активное участие в жизни, рассматривалась как низшее существо. Ей приходилось питаться костями и корками, после того как насытятся все мужчины в семье. Черкесская женщина не могла пройти по улице одна, без сопровождения мужа; ей не разрешалось даже переступить порог мечети» [Kunitz 1931: 20].

Но это время безвозвратно ушло. Теперь же подчеркивает, журналист из США, ситуация резко изменилась. На его прямой вопрос одной из работниц адыгского колхоза: «Вы счастливы в колхозе? Вам сейчас лучше, чем было раньше?», последовал сначала женский смех, подчеркивавший саму абсурдность заданного вопроса, а затем совершенно четкий и недвусмысленный ответ горянки:

«Только в колхозе мы увидели разницу [с прежней жизнью], почувствовали себя независимыми. Сейчас, когда женщина работает, она знает, что она заработает... Да, здесь имеется женотдел, он вносит важный вклад в обучение женщин, побуждает их интересоваться общими политическими и международными проблемами. Скоро у нас здесь будет электричество. Есть, конечно, школа. За исключением нескольких стариков, в нашем колхозе нет неграмотных».

«И, хотя я привык наблюдать удивительные вещи в СССР, но эти женщины меня просто ошеломили. Рассматривая униженное положение магометанской женщины в недавнем прошлом, это нельзя восприниматься иначе как настоящее чудо. Эти недавно эмансипированные женщины знают все о календарных планах колхоза, понимают, почему именно в их районе ориентация в развитии сельского хозяйства была сменена с зерновых на огородные культуры, разбираются в подсчете трудодней», – искренне восхищался американский писатель [Kunitz 1931: 20].

Другим свидетельством глубинной трансформации адыгского общества стало изменение отношения к религии. Из очерка Кьюнитца видно, что старые запреты игнорируются и нарушаются, жизнь горного народа приобретает светский характер. Описывая обед, автор упоминает бутылки с вином, что является недопустимым согласно исламским нормам; рассказывая о работе в колхозе, подчеркивает, что труд продолжается даже во время «магометанского праздника-курбана». Более того, старые религиозные торжества, констатирует американский литератор на основе личных наблюдений, с успехом заменяются новыми коммунистическими мероприятиями.

«Наступает самая важная минута первомайского празднества. Национальные войсковые части готовятся к принесению присяги. Затем спортивная программа: джигитовка, требующая от участников высокой степени наезднического искусства и ловкости в обращении с кинжалом. Потом пляски и песни, в которых принимают участие и мужчины, и женщины, преимущественно молодежь. Тот факт, что адыгейские крестьяне, еще недавно находившиеся под влиянием мулл и эфенди, празднуют этот день пролетарской солидарности и забывают о старом религиозном празднике курбана, – является несомненным подтверждением эффективности советских методов просвещения и пропаганды», – утверждает он [Kunitz 1931: 22].

Полностью изменилась и социально-экономическая жизнь Адыгеи. Рассказывая о трансформации автономной области, Кьюнитц вспоминает свою автомобильную поездку из Краснодара, одновременно приводя различные количественные показатели и сравнивая прошлую и современную ему жизнь региона. Учитывая, что эта часть его очерка не публиковалась в советском издании, приведем ее полностью.

«Это все новое, два года назад здесь не было ни одного здания» – сказал шофер сухо, указывая на длинный ряд высоких зданий, чем-то напоминающих район Верхнего Бронкса в

Нью-Йорке, – «это дома рабочих, занятых на фабрике – там за забором». Это замечание, о только что построенных зданиях и сооружениях там, где раньше были только пустыри, является практически типичным в Советском Союзе.

Я слышал его так часто, что уже практически перестал обращать на него внимание. По пути в черкесскую деревню «Тохта Мокай» я видел в Краснодаре и прилегающей местности новую огромную электрическую станцию, новую консервную фабрику всесоюзного значения, несколько новых строений, предназначенных для сельскохозяйственного института, а также обширный прекрасно сконструированный канал для осушения болот (сооружен в 1930-31 годах), ряд новых артезианских колодцев и многочисленные новые дома, дома, дома. Но я едва ли обращал на это все внимание – новые постройки воспринимаются здесь как должное.

Я так же стал почти не восприимчив к цифрам, я записывал их совершенно механически. Тем не менее посмотрим на них: в 1927-28 годах Адыгея вложила в свою промышленность 221 тыс. рублей, в 1928-29 годах 847 тыс. рублей, в 1929-30 годах 2 миллиона 649 тыс., в 1930-31 годах инвестиции возросли до 13 миллионов 620 тыс. рублей. Когда думаешь об этом представляются огромные темпы роста промышленности и экономики. Но меня они совершенно не трогали. Я видел здесь гораздо большие чудеса! Но, пока что, для формирования полноценной картины того, что происходит в Советском Союзе, количественные показатели все еще важны. Поэтому я, прошу моих читатели простить меня, за то, что я назову им несколько говорящих самих за себя цифр, которые я извлек из разговоров с различными ответственными правительственными и партийными работниками, промышленными и сельскохозяйственными руководителями, учителями и т.д.»,

– замечает Кьунитц [Kunitz 1931: 21], и переходит к статистическим данным.

«Математически изменения можно выразить следящим образом: в 1927 году в Адыгее было только 255 крестьянских домохозяйств, объединенных в колхозы, в 1928 году – 600, летом 1930 года 16 тыс. 248, осенью 1930 года – 200 тыс. 853, то есть 96 процентов всех крестьянских хозяйств в Адыгее. Более того вместо 53 тыс. гектар земли обрабатывавшихся в Адыгее перед коллективизацией, сейчас посевная площадь составляет 176 тыс. 642 гектара. Вместо 2,5 тыс. гектаров занятых на выращивание овощей в 1930 году, сейчас приходится 6 тыс. 323 гектара. Делается значительный упор на выращивание технических растений и культуры, что позволяет решить проблему с крупным рогатым скотом. В Адыгее уже создано 17 молочных ферм с 15 тыс. коровами. К концу года планируется увеличить их численность до 25 тыс.

Кроме того, в республике прямо сейчас сооружаются 10 свиноферм и количество свиной уже достигло 2 тыс. 400 штук. Схожая ситуация складывается и с птицефабриками. В 1930 году в Адыгее в колхозах насчитывалось только 650 цыплят. К концу этого года в них будет 35 тыс. «леггорнов» и других породистых кур. При этом я напоминаю вам, что, рассматривая эти цифры, нужно учитывать, что мелкая сельскохозяйственная птица, находящаяся в крестьянских дворах, не была обобществлена при коллективизации и осталась у своих владельцев. Так же нельзя забывать и про табак.

В 1930 году в Адыгее было потрачено 400 тыс. рублей на табачные плантации, в этом году расходы увеличатся на 487 тыс. рублей. Весной 1930 года в республике действовала только одна тракторная станция, сейчас в Адыгее их уже четыре. Огромные болота, рассадники малярии и смерти, были осушены, превратившись в прекрасные сельхозугодия, на них были организованы многочисленные грядки овощей и создано три больших совхоза», – восхищается Кьунитц [Kunitz 1931: 21].

Американский писатель отмечает, что руководитель партийной ячейки в Старом Бегахай признавал тот факт, что адыгам

«первым из национальных меньшинств удалось достичь сплошной коллективизации был связан не с наилучшим руководством или большей эффективностью, чем в других местностях. “Просто так получилось, что у нас черкесов, – подчеркивал партийный работник, – всегда была примитивная форма общественного пользования землей. Соответственно, переход к коллективному владению землей и к ее коллективной обработке [создание колхозов], а также общественному распределению урожая на основе индивидуального вклада в работу [трудодней], был не так болезнен в Адыгее, как в регионах, где земля долгое время находилась в индивидуальном пользовании» [Kunitz 1931: 21-22].

Примечательно, что американский литератор не просто констатирует факты, но выражает симпатию и поддержку проводившимся преобразованиям. Коллективизацию он рассматривает не просто как производственно-экономическую реформу, но как сложное и многогранное социальное явление:

«Необходимо помнить, что сплошная коллективизация предполагает нечто большее чем просто изменение формы собственности. В своем полном значении она приводит к всеобъемлющей культурной революции и полному изменению человеческой психики. Армия управляющих, библиотекарей, агрономов, трактористов, механиков и других работников должна быть подготовлена на базе колхозов. Это требует знания, это требует учебы. Настоящее маленькое чудо – наблюдать множество школ, как начального уровня, так и полного цикла обучения, раскинувшихся по всем просторам Адыгеи. Черкесы быстро освобождаются от своей многовековой безграмотности. Согласно очевидцам, в прошлом году долгими зимними вечерами адыгейские деревни светились множеством маленьких огней, шедших из окон саклей, где была ликвидирована неграмотность. Там люди среднего и даже преклонного возраста впервые в своей жизни читали, используя латинский алфавит, на своем собственном языке»,

– вновь восхищается Кьюнитц, и вновь обращается к количественным показателям.

«Снова необходимо привести цифры: в 1920 году только 6 процентов трудоспособного населения Адыгеи (русские и черкесы вместе) было грамотным. Между 1924 и 1929 годами уровень грамотности возрос до 24 процентов (7 тыс. 900 мужчин и 2 тыс. 100 женщин). В 1929 и 1930 годах уровень грамотности поднялся до 42 процентов. А в 1931 году Адыгея приблизилась к полному искоренению безграмотности!» [Kunitz 1931: 22].

Завершая рассмотрение этого замечательного очерка американского писателя, можно констатировать, что Кьюнитц был по-настоящему поражен быстрым социально-экономическим и культурным развитием Адыгеи. В каком-то роде его очерк читается как своего рода панегирик, но заокеанского литератора трудно обвинить в преувеличении, ведь цифры, которые он приводит, говорят сами за себя. 1930-е гг., время, которое в российской историографии, ассоциируется прежде с репрессиями и террором, зарубежными наблюдателями тех лет воспринимались совершенно с других позиций. До сих пор некоторые легкие отечественные публицисты изображают иностранцев как чудаков и простаков, которых советское правительство беззастенчиво обводило вокруг пальца, показывая «потемкинские деревни» [Симкин 2022]. В действительности

же западные журналисты, писатели и технические специалисты, массово посещавшие СССР в начале 1930-х гг. [Hindus 1932, Renn 1932, Fischer 1935], восторженно описывали развитие Советского Союза, поскольку наблюдали настоящую модернизацию, происходившую во всех областях жизни населения страны, включая здравоохранение [Христенко 2022]. На примере работы Кьюнитца, описывающей Адыгею, видно, как успешно, по мнению американских интеллектуалов, решался в СССР сложный «национальный вопрос». В отличие от США, где проблема афроамериканского населения еще долгие десятилетия оставалась «родовой травмой» американского общества, в Советском Союзе уже в 1930-е гг. сумели добиться равноправия титульной нации и малых коренных народов, которые все более уверенно выходили на авансцену социально-политической и экономической жизни нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Глазами иностранцев. 1917-1932 – Глазами иностранцев. 1917-1932: [отрывки произведений европейских интеллигентов об Октябрьской революции]. – Москва: Гос. изд-во художественной лит., 1932. – 719 с.

Грюнберг 1929 – *Грюнберг К.* Пылающий Рур: Роман из времен мятежа Каппа. – Москва, Ленинград: Гос. изд-во, 1929. – 279 с.

Пушкин 1829 – *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум: во время похода 1829 г. // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – Том VI. – Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1950. – С. 647-648

Симкин 2022 – *Симкин Л.* Великий обман. Чужестранцы в стране большевиков. – М.: Эксмо, 2022. – 416 с.

Христенко 2022 – *Христенко Д.Н.* Советская сельская медицина довоенного периода в оценках отечественных и иностранных очевидцев // *Quaestio Rossica*. – 2022. – Т. 10. – № 2. – С. 629-645.

Христенко, Красовская 2019 – *Христенко Д.Н., Красовская Ю.В.* Коллективизация и становление системы здравоохранения на селе // Самарский научный вестник. – 2019. – № 4. – С. 200-205

Feuchtwanger 1937 – *Feuchtwanger L.* Moskau 1937: Ein Reisebericht für meine Freund. – Amsterdam: Querido, 1937.

Fischer 1935. – *Fischer L.* Soviet journey. – New York, 1935. – 309 p.

Gide 1936. – *Gide A.* Au retour de l'URSS. – Paris: Gallimard, 1936. – 124 p.

Gold 1930 – *Gold M.* Jews without money. – New York: Liveright, 1930. – 309 p.

Grünberg 1970 – *Grünberg Karl.* Von der Taiga bis zum Kaukasus: Erlebnisse aus den zwanziger Jahren und später. – Halle: Mitteldeutscher Verlag, 1970. – 203 s.

Hindus M. – *Hindus M.* The Great Offensive. New York, 1933. – 368 p.

Kunitz 1931 – *Kunitz J.* One Hundred Percent Adygea // *New Masses*. – Vol. 7. – N. 5. – October 1931. – P. 20-24

Renn 1932 – *Renn L.* Russlandfahrten. – Berlin, 1932. – 190 s.

Webb S, Webb B. 1935 – *Webb S., Webb B.* Soviet Communism: A New Civilization? – Vol. 1. – London: Longman, 1935. – 528 p.

REFERENCES

Glazami inostrantsev. 1917-1932. Moskva: Gos. izd-vo khudozhestvennoi lit., 1932. [Through the eyes of foreigners. 1917-1932]. – Moscow: State. Publishing House of Artistic Literature, 1932. – 719 p. (In Russ.).

GRÜNBERG K. *Pylayushchii Rur: Roman iz vremen myatezha Kappa* [The Burning Ruhr: A Novel from the Kapp Rebellion]. – Moscow, Leningrad, 1929. – 279 p. (In Russ.).

PUSHKIN A.S. *Puteshestvie v Arzrum: vo vremya pokhoda 1829 g.* [Journey to Arzrum: during the campaign of 1829 y.]. In: Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh*. Tom VI. – Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1950. – P. 647-648 (In Russ.).

SIMKIN L. *Velikii obman. Chuzhestrantsy v strane bol'shevikov* [Great deception. Strangers in the country of the Bolsheviks]. – M.: Eksmo, 2022. – 416 p. (In Russ.).

KHRISTENKO D.N. *Sovetskaya sel'skaya meditsina dovoennogo perioda v otsenkakh otechestvennykh i inostrannykh ochevidtsev* [Pre-War Soviet Rural Medicine as Assessed by National and Non-National Observers] // In: *Quaestio Rossica*. – 2022. – Т. 10. – № 2. – P. 629-645. (In Russ.).

KHRISTENKO D.N., KRASOVSKAYA Y. V. *Kollektivizatsiya i stanovlenie sistemy zdравookhraneniya na sele* [Collectivization and Public Health System Formation in Rural Russia] // In: *Samarskii nauchnyi vestnik*. – 2019. – № 4. – P. 200-205 (In Russ.).

FEUCHTWANGER L. *Moskau 1937: Ein Reisebericht für meine Freund*. Amsterdam: Querido, 1937. – 153 p.

FISCHER L. *Soviet journey*. – New York, 1935. – 309 p.

GIDE A. *Au retour de l'URSS*. – Paris: Gallimard, 1936. – 124 p.

GOLD M. *Jews without money*. – New York: Liveright, 1930. – 309 p.

GRÜNBERG Karl. *Von der Taiga bis zum Kaukasus: Erlebnisse aus den zwanziger Jahren und später*. – Halle: Mitteldeutscher Verlag, 1970. – 203 p.

HINDUS M. *The Great Offensive*. – New York, 1933. – 368 p.

KUNITZ J. *One Hundred Percent Adygea*. In: *New Masses*. – Vol. 7. – №. 5. – October 1931. – P. 20-24.

RENN L. *Russlandfahrten*. – Berlin, 1932. – 190 p.

WEBB S, WEBB B. *Soviet Communism: A New Civilization?* – Vol. 1. – London: Longman, 1935. – 528 p.

Информация об авторах

Д.Н. Христенко – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

D.N. Khristenko – Candidate of Sciences (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.